

А. В. Смолин

РУССКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ РАЗВЕДКА НА БАЛТИКЕ в 1917–1918 гг. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Источников о деятельности русской военно-морской разведки за период 1917–1918 гг. крайне мало. В связи с этим большой интерес вызывают «Журнал записи агентурных сведений о действиях противника на Северном театре. 1 июня 1917–10 апреля 1918 г.»¹, «Агентурные сводки по Балтийском у театру 12 июля 1917 — 7 апреля 1918»², «Агентурные сведения о действиях противника на Северном театре 29 апреля — июль 1917»³ и «Журнал записей телеграфных сообщений военно-морского агента в Стокгольме В. А. Сташевского 4 июня — 28 октября 1918 г.» (машинописная копия)⁴. Если сведения из последнего уже приводились в статье О. Владимирова⁵, то первые три в научный оборот не вводились. Ценность этих источников состоит в том, что они проливают свет на деятельность русской военно-морской разведки в один из самых напряжённых моментов русской революции.

Рассмотрим сначала «Журнал записей...», освещавший события с 1 июня 1917 по 10 апреля 1918 г. Он представляет собой рукопись, написанную чёрными чернилами, разными почерками в тетради большого формата. Перечисленные в журнале записи начинаются с № 365. Значит, имелись и более ранние фиксации получаемой информации, но пока они нам не известны. С июня по декабрь 1917 г. нумерация сплошная с № 365 по № 905. С января 1918 г. по апрель, новая с № 1 по 83.

Лист журнала делился на три столбца, в первом шёл порядковый номер, во втором число получения и в третьем содержание сообщения. На всех телеграммах стоит число, когда эти сведения были получены агентами. Сравнив их с датой поступления в Морской генеральный штаб (МГШ, Генмор), можно сказать, что ряд сведений уже терял свою актуальность, так как время между ними составляло до семи дней, иногда меньше. Около некоторых сведений простым карандашом написано «получено почтой». Скорее всего, здесь имелась дипломатическая почта,

отправленная с курьером. Переписка военно-морских агентов с МГШ зашифровывалась и в журнале записей, мы имеем дело с их расшифровкой⁶.

Сведения, относящиеся к концу июля 1917 г. даны по старому стилю⁷. С 1 августа в записи на полях простым карандашом указано: «новый стиль»⁸.

Содержание журнала просматривалось кем-то из начальствующих лиц. Можно предположить, что таким лицом являлся начальник статистического (военно-информационного), а затем и иностранного отделов и помощником начальника МГШ капитан 1-го ранга Е. А. Беренсом. 3 июня он возвратился в Россию из Италии, где исполнял должность военного агента. Тогда Беренс и поступил на службу в МГШ.

Практически у всех сообщений на полях стоит заглавная буква «Д» простым карандашом, кроме № 366 и 374 от 2 и 5 июня, в которых передавались «сообщения рыбаков». В трёх случаях красным (24 декабря 1918 № 898) — о не выводе немецких войск из Польши и Балтийских провинций и принятии решительных мер против демократических выступлений латышей. Ко второму (24 декабря 1917, № 899) относился вывод русских войск из Персии и Турции, который рассматривался Германией не как гарантия для себя, а в качестве способа установления равновесия на Кавказском фронте. И третий (19 января 1918 г. № 17) сообщение о больших беспорядках рабочих в Берлине, Дюссельдорфе и Данциге, которые проходили на почве разочарований в скором сепаратном мире с Россией и которые были подавлены войсками, а также полицией⁹.

Некоторые сведения отчёркнуты красным карандашом. Так, по информации агента, побывавшего на датском острове Борнхольм, говорилось о восстановлении пароходного сообщения между Германией и Швецией и усиленной охраной этого острова. При этом ему удалось нанести на карту немецкие наблюдательные пункты и установить ночную сигнализацию между ними. Все данные и карта высылались с курьером. У этого сообщения красным карандашом на полях «Задали»¹⁰. У других, особенно у тех, которые передавались со слов рыбаков, простым карандашом стоит «не». Можно предположить, что эти сведения рассматривались как не- или малодостоверные.

В «Журнале записей...» имеются также телеграммы с пометкой «организационная». Однако их содержание не раскрывалось и около них буква «Д» не ставилась. 15 марта 1918 г. специальная комиссия, созданная по приказу Е. А. Беренса, в целях недопущения попадания секретных документов в руки противника, сожгла документы Разведывательного отделения, включая «Отпуска и копии организационных телеграмм и переписки по организации морской разведки»¹¹. В связи с этим, можно

предположить, что их содержание являлось настолько конфиденциальным, что не представлялось возможным сообщать об этом даже в секретной служебной переписке. Вероятно, в некоторых из них раскрывались имена агентов, работавших на русскую военно-морскую разведку, поскольку там имелись расписки в получении денег. За июнь месяц из 90 телеграмм 28 имели обозначение «организационная».

Источниками информации являлись рыбаки, пассажиры с пароходов, капитаны гражданских судов и агенты: «3», «18», «6», «19», «21», «03», «21», «04», «17», «А», «Б». При этом агенты «3» и «6» часто обозначались термином «омега». В основном они вели наблюдение за перемещением немецкого флота с берега. Поэтому содержание телеграмм передавало движение судов из Либавы, Данцига, Свинемюнде, Пилау, Киля, Мемеля и других портов и носило схематический характер. Указывалось направление движения судов и их класс. За месяц только две телеграммы отходили от подобного рода сообщений и информировали о волнениях рабочих на заводе «Вулкан» в Щететине и посещении агентом острова Борнхольм¹².

Агенты фиксировали также слухи и случайные сведения. При этом на всех телеграммах указывался источник информации. Все эти данные пересылались русским профессиональным разведчикам капитану 2-го р. Б. С. Безкровному, военно-морскому агенту в Дании, и Барону (Коскуль), агенту военно-морской разведки, а также военно-морскому агенту в Швеции капитану 1-го ранга В. А. Сташевскому, а те эту информацию, за своими подписями, передавали в Морской генеральный штаб. Такая схема передачи информации наводит на мысль о том, что получаемые сведения, перед отправкой в МГШ, военно-морские агенты фильтровали и сомнительные, с их точки зрения, задерживали. В июне 1917 г. 27 телеграмм были подписаны Б. С. Безкровным, и 63 — Бароном и В. А. Сташевским. В июле 1917 г. число телеграмм возросло до 108 (одна вычеркнута, итого — 107) из них 23 организационных (одна вычеркнута, итого — 22). От Б. С. Безкровного пришло 45, а от Барона и В. А. Сташевского опять 63 телеграмм. Причем источниками оставались агенты наблюдатели с берега, рыбаки, пассажиры пароходов, но появляется некий немец-морьяк. Содержание в основном касалось перемещения судов. Некоторая информация об их передвижении подчёркнута красным карандашом, у других стоит «не» или галочка синим карандашом. Дважды за месяц передавались сведения о перевозке шведской руды в Германию. Сообщалось, что пароходы уходили по пятницам и средам под шведским конвоем до стокгольмских шхер, а далее конвоирование переходило к немцам¹³.

Следует отметить, что поступающая в МГШ информация проверялась. Так, около сообщения об уходе германской эскадры из Либавы про-

стым карандашом сделана пометка «подтверждение дано»¹⁴. В то же время на данных о пребывании судов в Кильской гавани стоит карандашная пометка «не»¹⁵.

В августе в МГШ пришло 99 телеграмм. Среди них 23 «организационных». От Б. С. Безкровного было получено 38 и 61 от Барона и В. А. Сташевского. Информация же продолжала поступать из тех же источников, что и ранее. Однако с 20 августа 1917 г. в «Журнале записей» появляются сообщения от новой агентурной организации «О.А.» (буквы вписаны простым карандашом). Кого или что утаивала эта аббревиатура, сказать пока сложно. Можно только предположить, что под ней скрывался русский военно-морской агент старший лейтенант Рональд Ансельмович Окерлунд, который позже станет работать на английскую разведку и примет кличку «О.К.» по первым буквам своей фамилии¹⁶. Всего с августа 1917 г. по март 1918 г. с пометкой «О.А.» пришло 27 телеграмм. Наибольшее количество по пять в месяц приходилось на октябрь, ноябрь 1917 г. март 1918 г. и 4 на февраль 1918 г., то есть на время Октябрьской революции в Петрограде и переговоров в Брест-Литовске с немцами. Анализ поступавших телеграмм показывает, что большинство из них в 1917–1918 гг. шло через Стокгольм от Барона и В. А. Сташевского, а это в свою очередь может свидетельствовать о хорошо поставленной агентурной сети в нейтральной Швеции и лояльности Сташевского и Барона к Советской власти.

Из данных, которые передавал «О.А.», становилось ясным, что они получены от лиц, близко стоявших к германскому и австрийскому посольствам в Стокгольме, и в частности к военно-морским агентам. Таким образом, русская военно-морская разведка установила каналы для получения информации из этих посольств.

20 августа «О.А.» передал в МГШ информацию о том, что германская армия готовила большую операцию с привлечением флота на русском фронте, в связи с чем наблюдалась переброска войск на Восток. Эти сведения были получены от немца, приехавшего из Берлина, и исходили из штабных кругов¹⁷. О перевозке войск морем в Либаву сообщали также агенты из Данцига и Киля¹⁸. Таким образом, русское командование знало о подготовке немецкого наступления на Северном фронте, закончившегося взятием Риги. «О.А.» также сообщал об отправке крейсера «Кронпринц» к Аландским островам, чтобы прервать сообщение Швеции с Финляндией¹⁹.

В сентябре количество телеграмм уменьшается до 76 (одна зачёркнута, т. е. 75) От Б. С. Безкровного пришло 25, от Барона и В. А. Сташевского 50. «Организационными» являлись 26. В источниках информации изменений не произошло. У некоторых сообщений появилась надпись

карандашом «получено почтой». Как и в августе в сентябре наиболее содержательные телеграммы поступали от «О.А.». Так, 27 сентября он сообщал о полученных от капитана парохода «Гефле» из Данцига, находившегося в Либаве, о готовности военных кораблей и транспортов в ожидании десантной операции, а также о постройке на верфях Данцига и Киля военных кораблей²⁰.

28 сентября «О.А.» передал первые сведения, полученные от германского коммерсанта, занимавшегося военными поставками, о борьбе двух групп в Рейхстаге. Одна из них выступала за оборонительную войну и очищение Бельгии, другая, во главе с генералом П. Гинденбургом, требовала продолжения наступления в Балтийском крае и на фоне развала в России хотела принудить последнюю к сепаратному миру. Возобновление наступления на суше и морских операций на Балтике планировалось только после ликвидации английского наступления во Фландрии²¹. От лица, близкого к немецкому военно-морскому агенту, удалось узнать о нахождении в Балтийском море 4-й германской эскадры с флагманом «Прейссен»²².

В октябре в МГШ получили 85 телеграмм. От Б. С. Безкровного пришло 25, Барона и В. А. Сташевского 58, по одной за подписями Сташевского и Шильдера и военно-морского агента в Англии контр-адмирала Н. А. Волкова, 34 относились к «организационным». Телеграммы из Киля, Данцига, Свинемюнде, Мемеля от агентов наблюдателей и сведения, полученные путём опроса пассажиров с гражданских пароходов, говорили о передислокации немецкого флота. Подготовка противника к проведению Моондзунской операции, таким образом, не укрылась от русской морской разведки и сведения о её подготовке передавались в МГШ²³. В одной из телеграмм говорилось о боязни немцев прорыва английских подводных лодок в Зунд. По мнению офицеров русской военно-морской разведки, одна демонстрация английских подводных лодок могла повлиять на ход операции в Рижском заливе, но этого не произошло²⁴.

В телеграмме от военно-морского агента контр-адмирала Н. А. Волкова 9 октября 1917 г. из Лондона сообщалось о беспорядках в германском флоте из-за недостаточного питания. При этом делалась приписка «Сведения ни в коем случае не должны оглашены»²⁵. Возможно, это связано с боязнью их влияния на русский флот.

10 октября «О.А.» передал сообщение, от немцев, приехавших из Берлина, о принятии в Рейхстаге плана П. Гинденбурга о наступлении в России, с целью принуждения её к сепаратному миру²⁶. В октябре 1917 г. германское командование готовилось к продолжению Рижской операции. Для этого в Либаве, Кёнигсберге, Данциге происходило сосредоточение транспортов, а на острове Эзель заканчивалось строительство

большой воздухоплавательной станции и базы для воздушных операций в Рижском заливе. Высадка десанта планировалась в Гапсаль (Хаапсалу — город на северо-западе Эстонии, на берегу Рижского залива) или в Балтийском порту (Палдиски — эстонский город на побережье Финского залива). Информация о готовящейся операции в Рижском заливе своевременно поступила в МГШ²⁷. Эти сообщения показывали, что тучи над Петроградом сгущались.

После установления Советской власти в Петрограде начинается строительство новой государственной машины. Руководство флотом переходит к Верховной морской коллегии. В связи с этим происходят и изменения в его начальствующем составе. Новым начальником МГШ, вместо контр-адмирала А. П. Капниста, не признавшего новую власть, 16 ноября 1917 г. назначался капитан 1-го ранга Е. А. Беренс²⁸. С этого момента в его ведении оказалась вся военно-морская разведка. Прекрасно понимая её значение, для ещё никем не признанного Советского правительства, в качестве канала связи с внешним миром он прилагал максимум усилий для сохранения этой структуры²⁹.

Вместе с тем Верховная морская коллегия не видела смысла в существовании военно-морской разведки. Причиной этого стало недоверие комиссаров и коллегии к личному составу разведки. Кроме того, высказывалось соображение, что разведка при изменившемся политическом и социальном строе не может выполнять своего назначения³⁰. Программа мира, выдвинутая большевиками и отвергнутая Антантой, привела сначала к перемирию, а затем и к сепаратным переговорам с Германией. В этих условиях вести разведку против вчерашнего врага посчитали ненужной.

8/21 февраля 1918 г. вышло постановление народного комиссариата по морским делам, в нём говорилось: «Представительство Морского Комиссариата за границей упраздняется. Военно-морские агентства расформируются. Имущества и архивы военно-морских агентов должны быть приготовлены для отправки в Россию. Окончательная ликвидация агентств поручается комиссии под представительством Модеста Иванова»³¹. Однако переезд так и не состоялся.

В связи с изменившейся обстановкой резко сократилось поступление телеграмм от военно-морских агентов. За ноябрь месяц 1917 г. имеется 33 телеграммы, из них 8 «организационных». Перестали приходить телеграммы от агента в Дании капитана 2-го ранга Б. С. Безкровного, не признавшего Советскую власть и уволенного со службы³². Сообщения шли только за подписями Барона — В. А. Сташевского и две от Шильдера — Сташевского. Изменилось и содержание телеграмм. Только две говорили о перемещении германского флота, остальные передавали информацию

«О.А.» из немецких источников. На уменьшение числа телеграмм оказало влияние прекращение финансирования военно-морской разведки.

В ноябре 1917 г. информация в телеграммах, полученных в МГШ, сосредотачивается вокруг возможного заключения сепаратного мира и реакции на это событие в различных слоях германского общества. Эти сообщения шли от «О.А.» через немецких дипломатов в Стокгольме. В телеграммах от 3 и 4 ноября говорилось о большой радости в германских посольских и торговых кругах по поводу событий в России и уверенности в том, что она заключит сепаратный мир. Их не смущала даже возможная победа Временного правительства. Поскольку пропаганда мира, по их представлениям, настолько внедрилась в русскую армию, что любое правительство пойдёт на заключение мира. В связи с этим, какие-либо военные действия со стороны Германии исключались³³.

Вместе с тем, несмотря на желание мира, немецкие военные считали необходимым улучшить стратегическое положение, и в декабре 1917 г. планировали занять часть материка у Моонзунда и побережье Рижского залива. В связи с этим были почти закончены работы по обустройству воздушной базы на острове Эзель и восстановлены мосты в Риге³⁴.

В то же время существовало и другое мнение, согласно которому сепаратный мир Германии с Россией в данное время не являлся необходимым, поскольку задачи на Востоке были выполнены, и Россия, как противник, с разрушенной армией, перестала существовать. Поэтому ближайшей задачей Германии на Востоке являлось заключение выгодных торговых договоров с отдельными частями России, которые бы поставили их в экономическую зависимость от Германии³⁵.

20 ноября 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры о перемирии. По информации коммерсанта, вернувшегося из Берлина в Стокгольм, уже 21 ноября последовала передислокация германских войск на Западный фронт. Предстоящее перемирие вызвало чрезвычайный подъём духа в немецком обществе и уверенность в окончательной победе на Западе и в Италии³⁶. Ноябрьские телеграммы в целом были заполнены сведениями о переброске войск на Западный фронт по железным дорогам и морю⁷. При этом перемирие рассматривалось в качестве инструмента победы на Западном фронте.

За декабрь 1917 г. имеется 38 телеграмм. 16 являлись «организационными», четыре от Б. С. Безкровного, несмотря на его увольнение, и 18 от Барона и В. А. Сташевского. Заключение перемирия 2/15 декабря 1917 г. вызвало в Германии надежду на скорый сепаратный мир. Вместе с тем идея о мире без аннексий и контрибуций в Германии отклика и поддержки у политических партий не нашла и вызывала только насмешку. Поддержали её только крайние социалистические партии³⁸.

Помимо перевозок войск на Западный фронт³⁹ в декабрьских телеграммах всплывает вопрос об Учредительном собрании в России. Так, в телеграммах от 7 и 12 декабря сообщалось о том, что партии в рейхстаге и правительство считали, необходимым заключить сепаратный мир во что бы то ни стало, до созыва Учредительного собрания, поскольку оно могло не согласиться с немецкими условиями и встать на сторону Англии⁴⁰. Вполне вероятно, что и большевики учитывали такой поворот событий. Разогнав Учредительное собрание, они закрепили свою политику в пользу заключения сепаратного мира. Однако в историографии, эта причина во внимание не принимается.

Переговоры о мире начались 9/22 декабря 1917 г., по словам секретаря германского посольства в Стокгольме, в Берлине было распространено убеждение о быстром заключении сепаратного мира. В связи с этим некоторые торговые фирмы даже послали своих представителей в Стокгольм, чтобы войти в сношение с русскими коммерсантами и максималистским (большевистским) посольством для заключения будущих поставок⁴¹.

Вскоре наступил перерыв в переговорах, что вызывало тревогу в правительственных кругах Германии, поскольку они опасались кризиса в стране⁴². В то же время по информации, полученной от германского военно-морского агента, немецкие войска из Польши и Балтийских провинций, из-за непрочного положения русского правительства, командование выводить не собиралось. В то же время Курляндию и Лифляндию предполагалось включить в состав Германии. Тревогу немецкого правительства вызывала только позиция латышей, выступавших за демократическое решение вопроса⁴³.

В январе 1918 г. количество телеграмм значительно уменьшилось. Их насчитывалось 20. Причем две из них были «организационные» — одна от Б. С. Безкровного, другая от В. А. Сташевского. Все остальные подписывались Бароном и Сташевским и две Сташевским и Шильдером. В январе в сообщениях русских военно-морских агентов превалировала информация о переброске германских войск на Западный фронт и подготовки наступления. Передавались сведения из немецких источников, в которых выражалась надежда на заключение сепаратного мира. При этом затяжку переговоров общественное мнение возлагало на правительство, обвиняя его в неуступчивости. Говорилось также и о победе консерваторов в рейхстаге, проголосовавших за присоединение Лифляндии и Курляндии к Германии⁴⁴. В донесениях также говорилось о выступлении рабочих в Берлине, Дюссельдорфе, Данциге. Чтобы избежать внутреннего кризиса и не помешать плану наступления на Западном фронте, их подавили с помощью полиции и войск⁴⁵.

В январе 1918 г. «О.А.» получил информацию от лиц, прибывавших из Берлина о том, что в германских правительственных кругах цель сепаратного мира видели в вытеснении Англии из экономики России, чтобы захватить русский рынок и поставить её в прочную зависимость от Германии. Вместе с тем общественное мнение было обеспокоено тяжкой переговором с Россией и обвиняло правительство в завышенных требованиях. В то же время в рейхстаге надеялись, что Россия пойдёт на уступки и Лифляндия и Курляндия присоединятся к Германии, так как военной силой свои требования она поддерживать не могла. Несмотря на оказываемое давление, Россия проявляла неуступчивость, и это вызвало раздражение в Берлине⁴⁶.

В феврале 1918 г. в МГШ поступило 37 телеграмм, из них четыре «организационных» от В. А. Сташевского. Как обычно полученные сообщения подписывались Бароном и Сташевским и только три Шильдером и Сташевским и одна военно-морским агентом в Англии контр-адмиралом Н. А. Волковым с припиской, передача сообщения Барона. Агентурные сообщения в феврале касались, прежде всего, революции и гражданской войны в Финляндии, а также реакции на них в Германии и Швеции. Кроме того, отдельно рассматривался вопрос о срыве переговоров с Россией и новом германском наступлении на Восточном фронте.

Что же касается самого содержания телеграмм, то 4/17 февраля 1918 г. в МГШ получили весьма важное сообщение. В нём говорилось о существовании в Гельсингфорсе базы русского Балтийского флота, организации, которая, по данным шведов, вернувшихся из Финляндии, готова повредить машины русских судов, чтобы предотвратить их выход в море⁴⁷. Правда, что это была за организация, не сообщалось. Кроме того, подчеркивалось, что сама революция в Финляндии в военных кругах Германии вызвала негативную реакцию. По данным секретаря германского посольства в Швеции, П. Гинденбург и Э. Ф. В. Людендорф потребовали военного вмешательства. В этом их поддержали и правые партии в рейхстаге. Показательно, что эти воинственные заявления звучали на фоне подавления забастовок, ареста большей части социалистов. В целом в Германии военную помощь Финляндии встретили положительно. Началась отправка туда транспортов с военными грузами. Кроме вооружения и снаряжения, белым финнам направили еще лётчиков-инструкторов и офицеров генштаба⁴⁸.

События в Финляндии, по сообщениям русских военно-морских агентов, вызвали сильное негодование также еще и в шведском обществе. В результате в помощь белым в Финляндию, как свидетельствуют сообщения, уже 6 февраля отправились первые шведские добровольцы. Кроме того, сообщалось, что в стране развернулась кампания по отправке

в Финляндию оружия и снаряжения, а также предоставлению правительству права осуществлять транзит военных материалов из других стран. Началась подготовка к отправке войск на Аландские острова и на морскую базу в Карлскрону для укрепления морских частей. В целом, как свидетельствовали телеграммы, тогда из Швеции под видом добровольцев в Финляндию отправлялись подразделения регулярной шведской армии⁴⁹. Шведский флот в Карлскроне также был приведён в состояние боевой готовности и был уже готов к выходу к Аландским островам. Круглосуточно работали ледоколы, расчищая путь флоту на север⁵⁰. Характерно при этом, что русский гарнизон на Аландских островах был также уже разоружён и отправлен в Россию.

Русские военно-морские агенты передавали и реакцию немецких кругов на информацию из Берлина о разрыве германо-русских переговоров в Брест-Литовске, который, по их мнению, произвёл тяжёлое впечатление на широкие общественные круги. В связи с этим стали раздаваться упрёки в адрес правительства в неуступчивости, и пропустившим возможность заключить сепаратный мир. Военные круги, в свою очередь, были намерены начать военные действия в ближайшее время⁵¹.

Тем временем, как известно, 18 февраля 1918 г. германские войска продолжили наступление, после чего последовало согласие советского правительства на заключение мира. Новые требования Германии, по сообщениям русской военно-морской разведки, включали требование полного освобождения Балтийских провинций и Финляндии от русского влияния. В этом вопросе немцы рассчитывали на сочувствие скандинавских правительств. Цель же немцев на Украине сводилась к обеспечению продовольствием Германии. До начала новых переговоров немцы хотели оккупировать как можно большей территорий, чтобы повысить свои требования. Они хотели отрезать Россию от моря и принудить к выгодному для себя миру⁵². Это делалось, несмотря на то что советское правительство уже согласилось на новые условия мира⁵³.

Однако немецкий генеральный штаб для того, чтобы захватить как можно больше артиллерии, военного имущества и военных судов, а также, чтобы пресечь возможность вступления России в эту войну, не собирался останавливать наступление в Балтийских провинциях и на Украине. В результате на долговременность подписанного с Советской Россией договора немцы не рассчитывали. Чтобы провести все свои требования в жизнь, в планы генерального штаба Германии также входило еще и занятие Петрограда⁵⁴.

В этой обстановке в марте 1918 г. в МГШ поступило только 22 телеграммы. Все они были заверены Бароном и В. А. Сташевским. Только одна, о передвижении немецких судов, была подписана Б. С. Безкров-

ным. Пять имели гриф «организационная». Содержание мартовских телеграмм составляли сведения об отправке военных грузов из Германии в Финляндию. 4 марта в МГШ получили, в частности, сообщение о том, что германское наступление в Балтийском крае продолжится до тех пор, пока не будут выполнены все задачи по захвату всех жизненных центров русской армии.

Из сообщений видно, что одна из главных задач, которую ставила перед собой Германия, сводилась к захвату русского военного флота⁵⁵. Начиная с 7 марта 1918 г., по информации русских военно-морских агентов, немецкий флот постоянно крейсировал между Аландскими островами и Ганге (Ханко)⁵⁶. В другой телеграмме сообщалось, что в планы немцев входило разрушение русских военных судов, роспуск их команд и сосредоточение своего флота на Западе⁵⁷. В результате, учитывая складывающуюся обстановку, советское морское командование приняло решение о выводе кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт. 12 марта первый отряд советских судов стал через лёд пробиваться в Кронштадт. В этом отношении можно предположить, что информация разведки способствовала принятию данного решения.

Успехи германского оружия во время февральского наступления на Восточном фронте, по данным русской военно-морской разведки, вскружили головы немецкому обществу. О них сообщалось даже в уличных плакатах. В связи с «блестящим миром» с Россией и громадного увеличения территорий, значительный вес получила военная партия генерала Э. Ф. В. Людендорфа, ратовавшая за присоединение всего Балтийского края к Германии⁵⁸.

За апрель 1918 г. до нас дошло три телеграммы от 6 и 7 апреля и одна от 10 апреля — «организационная». Все за подписями Барона и В. А. Сташевского. По сообщениям русской военно-морской агентуры от 6 апреля, из Данцига и Либавы с 20 по 29 марта, по слухам, уходили транспорты с войсками и грузом в Финляндию, где предполагалась большая десантная операция⁵⁹. Следующая информация, поступившая 7 апреля. Она была получена от лица, близко стоявшего к австрийскому посольству. В телеграмме говорилось о том, что целью высадки десанта в Ганге являлось занятие Гельсингфорса в ближайшее время, чтобы помешать русским военным судам выйти в Кронштадт. В этом отношении немцы предусматривали два варианта. В случае возобновления войны с Россией объявить российские корабли военной добычей, а если же этого не произойдёт, то передать суда Финляндии, чтобы усилить её позиции в Финском заливе. Во всяком случае, немцы хотели покончить с русским флотом до начала навигации, чтобы иметь свободу действий в операциях, которые могли проводиться в Финском заливе весной. В результате

3 апреля началась высадка германских войск в Ганге. По слухам, как отмечалось в сообщении, немцы высадили около 40 тыс. войск с большим количеством артиллерии⁶⁰.

Учитывая складывающуюся ситуацию, уже 5 апреля из Гельсингфорса вышел 2-й, а с 7 по 11 апреля 3-й отряд российских кораблей. Они шли шестью группами. Столь спешный выход из Гельсингфорса был неслучаен. 12 апреля немцы уже вошли в город. Таким образом, можно предположить, что сообщения русской военно-морской разведки способствовали уходу большинства кораблей русского флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Здесь следует отметить, что операцией по выводу кораблей из Гельсингфорса руководил находившийся в Петрограде начальник МГШ Е. А. Беренс. Именно к нему приходила информация от русских военно-морских агентов за границей. Координацию действий между ним, командующим Балтийским флотом А. М. Щастным и НКИД осуществлял его заместитель В. М. Альтфатер из Москвы.

Помимо «Журнала записей» имеется машинописная копия «Агентурные сводки по Балтийскому театру 12 июля 1917 — 7 апреля 1918». По своему характеру они представляли обобщённые сводки, скорее всего, для вышестоящих лиц. В ряде случаев они совпадали с данными «Журнала», а в отдельных случаях его дополняли или вообще не совпадали⁶¹. В них, в отличие от «Журнала записей», не упоминается агент, от которого получена информация, нет фамилий военно-морских агентов Б. С. Бескровного, В. А. Сташевского, Барона, Шильдера, которые заверяли присланные сообщения. Отсутствуют телеграммы с пометкой «организационная». Поступавшие сведения опирались на слухи или на личные наблюдения агентов, находившихся на берегу, а также на сведения сухопутной разведки, например, о подготовке германского флота и армии к захвату Аландских островов⁶². Появляется и информация «нового источника» (один раз) о создании на острове Эзель громадного авиационного лагеря, а также о подготовке операции, чтобы прервать связь с союзниками и уничтожить русский флот, против Ревеля и Петрограда в 1917 г.⁶³

В целом «агенты-наблюдатели» следили за движением германских военных судов как боевых, так и транспортных. Так, у сообщения от 11 июля 1917 г. есть запись на полях чёрными чернилами «хорошо наблюдает»⁶⁴. Следует отметить, что качество наблюдения с берега было связано с погодой. Так, у сообщений с 19 по 25 июля стоит приписка «всю неделю погода не ясная, допускается возможность незамеченного прохода судов», в одной из записей в августе сказано «пасмурно, дождь»⁶⁴.

В записях есть пропуски, как отдельных дней, так и за длительные сроки. Так, например, отсутствуют записи с 11/24 ноября 1917 г.

по 7 апреля 1918 г. К дополнениям, которых не встречается в «Журнале записей», следует отнести информацию из английского Адмиралтейства (на английском языке) от 20 июля 1917 г. о немецких судах в Рижском заливе и предстоящем обстреле Риги⁶⁶, а также о судах в Киле на 4 августа⁶⁷ и о чрезвычайном оживлении в гаванях Шеттина и Любека в связи с погрузкой военных материалов для отправки в Ригу (на русском)⁶⁸. Кроме того, имеются еще французские данные о формировании в Либаве эскадры старых лёгких крейсеров⁶⁹.

За 7 января 1918 г. в документах еще содержится рапорт в Особое дело производство Генмора, составленный на основе заграничных агентурных сведений. В нём говорилось о заинтересованности Германии в Финляндии и об интересе, который немцы проявляли к русской разведке и контрразведке и её личному составу⁷⁰.

Кроме этих данных, по сведениям на 12 сентября приводился состав германских морских сил в Балтийском море. Конкретно по числам они распределялись так: 5, 16 июня; 17, 20 июля; 25 августа; 6, 10 сентября. Под каждой датой идёт перечисление типов кораблей и их количество. При этом везде указано, откуда получены сведения. Так в двух случаях 16 июня и 20 июля они получены из Англии, в четырёх случаях агентурно «А» 5 июня и 17 июля, «Х» — 6 и 10 сентября. Однако в одном случае с указанием лица — от Игнатьева 25 августа⁷¹. На некоторых телеграммах (12 августа, 1, 2, 7, 9, 12, 14, 16 сентября, 14 октября) ставился адресат⁷². Над агентурным сообщением за 11 августа, в котором имелись данные за вторую половину июля и начало августа, вверху от руки было написано «кап. 1-р. Беренс», что может говорить, о том, что он просматривал эти сведения⁷³. Имеются и машинописные подписи начальника МГШ А. П. Капниста⁷⁴.

Кроме указанных «Журнала записей...» и «Агентурных сводок...», в РГА ВМФ имеется «Обзор деятельности. Сведения противника. Агентура "А" Северный театр» (чёрные чернила), а ниже на 19 листах «Агентурно "А"⁷⁵. Северный театр. (Начато 8 мая 1917, кончено 11 июля 1917) Поставленное мной в скобках зачёркнуто» (красными чернила). Анализ этих документов позволяет предположить, что наблюдающееся изъятие хронологии может свидетельствовать о том, что в это дело предполагалось вносить какие-то изменения⁷⁶.

На первом листе запись от руки синими чернилами «Морского Генерального штаба Стат[истический]. Отдел». Листы до 6-го включительно пронумерованы чёрными чернилами, а далее синими до 17 включительно. 18 и 19 листы помечены чёрными чернилами⁷⁷. На 2-м листе вверху есть вклейка с надписью «Движение судов» черными чернилами и цифра «2а» (карандашом). Датировка начинается с информации из Либавы

от 29 апреля о движении подводных лодок противника на север с особым поручением. Всего данные заносились за 29 и 30 апреля. Полученная информация записывалась на листы большого формата. На них имелись вклейки копий машинописных агентурных сообщений, либо дополнения к ним или целые сообщения, вписанные красными чернилами аккуратным мелким почерком. Телеграммы с пометкой «организационная» отсутствуют.

В целом за май месяц имелось 25 сообщений. Около каждого стоит дата. Во всех даются сведения о перемещении судов и учебной стрельбе в Кильской бухте, причем источником информации являлись «слухи»⁷⁸. В июне также поступило 25 донесений, которые начинались с 7 июня. Их источником являлись также «слухи» или непроверенные данные. В них содержалась информация о передвижении судов противника и возможных операциях в Балтийском и море, Рижском и Финском заливах. С 24 июня поступившие данные записывались только от руки⁷⁹. За июль с 1 по 20 число имеется 15 сообщений, написанных красными чернилами⁸⁰. Донесения о передвижениях флота так же основаны на «слухах» и непроверенных данных. Поскольку, по каким-то причинам, сообщения поступали не регулярно или их не успевали расшифровать, то оставлялось место, чтобы вписать недостающие сведения. Информация о передвижении судов сопровождалась указанием на их тип и порты, между которыми они передвигались: Мемель, Киль, Свинемюнде, Данциг, Либава, Пилау, Кёнигсберг и др.

После 20 июля следует вырезка страниц и снова повествование начинается с апреля, но не с 29, а с 25 и обозначено общими словами «проход кораблей на Север с 25 по 29 апреля» и отдельно «30 проход кораблей на Запад». При этом речь идёт о прохождении кораблей, полностью не повторяя предыдущую информацию за этот месяц. На верху листа вклейка, с надписью от руки, чёрными чернилами, движение дозоров.

Далее информация даётся опять за май, но уже с 3 по 30 мая⁸¹. И все 18 сообщений с информацией о передислокации кораблей⁸². После этого снова даются данные за июнь, но начинаются с 1-го числа. Всего 17 записей красными чернилами от руки и только две машинописные вклейки⁸³. Все они говорят о движении кораблей противника. В июле записи носят ежедневной характер с 1 по 19 июля. За 3–11 июля и 17–21 они имеют обобщающие сведения и вместе с тем с 3 по 7 и с 17 по 21 даются еще и ежедневные данные⁸⁴. Опять все касаются передвижения флота, но с разной степенью подробности.

Далее, после июльских сообщений, снова вырезки листов и записи с мая по июль. До 26 июня машинописные вклейки чередуются с рукописными вставками написанными красными чернилами. Передача данных

начинается с апреля 28 и 30, далее идут 12 сообщений со 2 по 29 мая⁸⁵. Все они касаются перевозки угля и военных грузов, снарядов, в плане констатации. Указывалось также на использовании парусников и барж при перевозке. В июне имелось 17 записей с 7 по 30 июня⁸⁶. В июле 10 сообщений со 2 по 20 июля⁸⁷. Содержание переданного материала идентично майскому.

Затем снова вырезка листов и сообщения снова начинаются с мая и заканчиваются июлем. На верху листа 13 вклейка от руки чёрными чернилами 13 а. парашодов. Записи идут с 1 по 27 мая, всего 11⁸⁸. Две машинописные остальные рукописные (красные чернила). С июня, только рукописные. В июне со 2 по 30 19 записей⁸⁹. В июле с 1 по 14 всего 13 сообщений⁹⁰. Все они касаются перевозки угля из Швеции в Германию.

После агентурных сообщений вырезка листов, и идёт раздел «Оборудование театра», написанный красными чернилами. В нём говорится о переоборудовании немецких траулеров под тральщики, постановке минных заграждения и их устройстве в Малом Бельте, севернее Эрэ-Зунда, в Кильской бухте, в районе Гельгоlanda. Обращалось также внимание на ежемесячную сменяемость минных заграждений и проходов в них⁹¹.

В сведениях за июль со 2 по 20 всего 10 сообщений, но они отличаются от предыдущих и касаются налётов неприятельских аэропланов на Аренсбург, Сворбе, Мариенхам, Церель, Куйвасто и обнаружения немецких подводных лодок. Давалась также информация о том, что немцами вытралены мины у острова Кристианзе⁹².

Имеется также «Резюме», подводящее итог полученным сообщениям за май — июль⁹³. Так, например, в мае отмечалась повышенная деятельность германского воздушного флота, осуществлявшего налёты на русские военные базы на островах Эзель и Даго, и успешные атаки немецких подводных лодок в Ботническом заливе против торговых судов. Обращалось внимание на провокационные слухи, исходившие от немцев, о якобы предстоящих операциях на Балтике.

В июне акцент делался на действиях германского флота в Северном море, и опровергались слухи о сосредоточении морских сил в районе Либавы для предстоящих операций на Балтике. В июле по данным, сообщаемым в резюме, главные силы германского флота находились в Северном море. На Балтике 5–6 дредноутов и постоянная эскадра Балтийского моря. По-прежнему отвергалось предположение о подготовке действий противника в Рижском и Финском заливах. В то же время сообщалось о выходе из Либавы эскадры лёгких крейсеров и миноносцев на Север и уменьшение перевозки войск на Восточный фронт с конца июня до 20 июля. В то же время возросла деятельность воздушного фло-

та с участием цеппелина⁹⁴. В «Резюме» обращает на себя внимание то, что информация о подготовке к операции германского флота на Балтике подаётся как дезинформация.

После «Резюме» вырезка листов и опять идёт запись агентурных данных за май. Под 4 мая сообщалось, что по слухам, на Медвежьих островах (Ледовитый океан) существует база немецких подводных лодок, а 24 мая о потоплении немецкой подлодкой двух рыбачьих судов. В разделе июнь значится: «сведений не поступало»⁹⁵. В июле отмечены сведения о перевозке угля из Киркенеса германскими пароходами водоизмещением в 250 тонн, которые приходили по субботам пустыми и уходили гружёнными рудой по понедельникам поздно вечером, при этом их охраняли подводные лодки. Иногда пароходы приходили по вторникам днём и уходили в среду вечером⁹⁶.

Сравнив данные «Журнала записей»⁹⁷ с «Агентурными сводками»⁹⁸ и «Обзором деятельности»⁹⁹ можно сказать, что первые являются более информационными, в то время как последние содержат некоторый дополнительный материал. Складывается впечатление, что все три источника имели разное назначение, как по хронологии, так и по охвату содержащихся в них событий.

Своеобразным хронологическим продолжением перечисленных источников стал «Журнал записей телеграфных сообщений военноморского агента в Стокгольме В. А. Сташевского 4 июня — 28 октября 1918 г.»¹⁰⁰. Журнал представляет собой машинописные копии телеграмм В. А. Сташевского и ответы на некоторые из них начальника МГШ Е. А. Беренса, начальника Особого делопроизводства МГШ М. И. Дунина-Барковского и комиссара МГШ С. П. Лукашевича. Всего имеется 15 телеграмм Сташевского из Стокгольма и 6 из Москвы. В июне он отправил 8 телеграмм, 4 без даты, одна в июле (без номера после № 20), по одной в сентябре в октябре. У телеграмм Сташевского, как и сообщений из МГШ, стоят буквы «о» — открытая и «ш» — шифрованная. Из Стокгольма отправлено 7 шифрованных и 7 открытых. Из Москвы 4 шифрованных, у одной обозначения нет, но по смыслу похоже на «ш», и 2 открытых.

В открытых телеграммах В. А. Сташевский сообщал о попытках урегулировать финансовые дела со шведскими фирмами по русским военноморским заказам, но все вопросы упирались в оплату. Из Москвы хозяйственные вопросы передавались открыто, шифрованные сведения касались личного состава военно-морской разведки. Кроме того, в шифрованных он писал о лицах, работавших на русскую военно-морскую разведку, и внешних угрозах для России, передавая сведения из шведских военных кругов о подготовке финнов к походу в русскую Карелию¹⁰¹.

Следует отметить, что телеграмм, скорее всего, было больше, но не все они попали в «журнал». Так, 14 мая 1918 г. на запрос начальника статистического отдела МГШ М. М. Домерщикова о возможности получения телеграмм из Парижа и Лондона М. И. Дунин-Барковский отвечал, что шифрованных телеграмм из этих городов не получали и не отправляли. Вместе с тем он писал, что есть возможность посылать шифрованные телеграммы через Стокгольм, и тут же сообщал, что 13 мая получил шифрованную телеграмму от В. А. Сташевского по радио через Царско-сельскую радиостанцию и ответил тем же путём¹⁰². Скорее всего, так называемый «журнал» В. А. Сташевского, это телеграммы, которые смогло собрать следствие, перед и во время судебного процесса по делу о шпионской организации в МГШ¹⁰³. Так, в примечании к № 17 говорится о суде, состоявшемся 19 апреля 1919 г.¹⁰⁴

В этом отношении, как представляется, дело о шпионской организации в МГШ началось с запроса Е. А. Беренса 26 сентября 1918 г. В. А. Сташевскому о том, что прибывший из-за границы агент А. А. Пинко (Ланко) просил удовлетворить его жалованьем за службу. В связи с этим начальник МГШ просил сообщить о том, получил ли проситель причитающиеся ему суммы. 28 сентября Сташевский ответил, сколько и на какие нужды были выданы деньги Пинко (Ланко)¹⁰⁵. Не получив жалованье вторично, в качестве мести своим сослуживцам, он совместно со своим приятелем С. М. Калакуцким, работавшим в ВЧК и являвшимся бывшим сотрудником контрразведки царского и Временного правительств, выдумали шпионскую организацию в МГШ. Тем более что они владели соответствующими приёмами работы по дискредитации и знали всех сотрудников контрразведки по совместной работе.

Заканчивая обзор рассмотренных документов, следует отметить, что все сведения, поступавшие в МГШ, проверялись. Несмотря на их разнообразие, они носили зачастую общий характер, к тому же проходило много времени с момента получения информации до её передачи в МГШ.

С приходом в МГШ капитана 1-го ранга Е. А. Беренса и назначением его начальником Статистического, а затем Информационного отдела МГШ стало постепенно изменяться содержание поступающей информации. Это связано прежде всего с разработкой им «Инструкции статистического отделения Иностранного отдела морского Генерального штаба», которая была утверждена начальником МГШ графом А. П. Капнистом 3 июля 1917 г. В ней делался упор на сбор общественно-политической и экономической информации о противнике¹⁰⁶. Появление нового источника информации «О.А.», поставившего такого рода сведения, как представляется, напрямую связан с этим документом и говорит о том, что эта аббревиатура принадлежала офицеру русской военно-морской разведки.

Судя по всему, наиболее ценными являлись донесения от «О.А.», получавшего информацию из немецкого и австрийского посольств в Стокгольме.

Информация, стекавшаяся в МГШ по каналам военно-морской разведки, говорила о подготовке немцев к захвату Риги в августе 1917 г. и Моонзундской операции в октябре. Уже после Октябрьской революции, несмотря на приказ о ликвидации военно-морской разведки, сведения от её агентов продолжали поступать в МГШ к его начальнику и влияли на принимаемые им решения. Таким образом, советское военно-морское командование имело достаточно точную информацию о военных планах противника России, о внутреннем положении в Германии и немецкой операции в Финляндии. Интерес представляют и сообщения из Швеции об участии этой страны в подавлении революции в Финляндии. С большой долей вероятности можно сказать, что сведения, поступавшие в МГШ от военно-морских агентов, сотрудничавших с советской властью, о замыслах германского командования по уничтожению Балтийского флота в Гельсингфорсе были использованы им для вывода его из Финляндии. Поскольку других каналов получения информации из стран Западной Европы, в условиях информационной блокады, МГШ не имел.

Рассмотрев «Журнал сведений...» и сопутствующие ему «Агентурные сводки...», «Обзор деятельности...» и «Журнал В. А. Сташевского», можно с уверенностью сказать, что русская военно-морская разведка в рассматриваемое время, несмотря на все трудности, поставляла вполне адекватную информацию в МГШ о действиях и намерениях противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф.418. Оп. 1. Д.605. Л. 1–71.

² Там же. Д.599. Л. 1–64.

³ Там же. Д.603 Л.119.

⁴ Там же. Ф.р-342 Оп.1. Д.655. Л. 1–4.

⁵ *Владимиров О.* Следить за настроениями правящих кругов. Советская военно-морская разведка в 1918 г. // Родина 2011. № 10. С. 15–17.

⁶ *Федотов-Уайт Д.* Революция // Посев. 20020. № 4. С. 37.

⁷ РГА ВМФ Ф.418. Оп.1 Д. 605. Л.24об.

⁸ Там же. Л. 21об.

⁹ Там же. Л.56об, 61об.

¹⁰ Там же. Л.10об.

¹¹ Там же. Ф.418. Оп.2. Д.53. Л.4.

¹² Там же. Ф.418 Оп.1 Д.605. Л. 4об, 10об.

- ¹³ Там же. Л. 13- об
- ¹⁴ Там же. Л.16.
- ¹⁵ Там же. Л. 20, 21
- ¹⁶ Подробнее об Окерлунде см., *Тотров Ю. Х.* Из истории английской разведки в России «Дело Генмора» // *Кортик.* 2015. № 15. С. 21–30.
- ¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп.1 Д.605. Л.27об.
- ¹⁸ Там же. Л.28-об, 29-об.
- ¹⁹ Там же. Л. 31об.
- ²⁰ Там же. Л. 39об.
- ²¹ Там же. Л.40.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 40об, 41.
- ²⁴ Там же. Л. 42об.
- ²⁵ Там же. Л. 43.
- ²⁶ Там же. Л. 43об.
- ²⁷ Там же. Л. 41, 42об., 43об, 44об, 45, 47,
- ²⁸ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л.317.
- ²⁹ Там же. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 650. Л. 2-об, 3.
- ³⁰ Там же Ф. р-342. Оп. 3. Д. 2 Л. 11-об. «Проект реорганизации военно-морского контроля» (бывшая контрразведка); *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России. С. 249, 251–253.
- ³¹ *Алексеев М. А., Колтакиди А. И., Кончик В. Я.* Советская военная разведка накануне войны. 1935–1938 гг. М., 2019. С. 111.
- ³² РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л.417
- ³³ Там же. Ф.418. Оп. 1. Д. 605. Л. 49-об, 52.
- ³⁴ Там же. Л. 49-об, 51, 52-об.
- ³⁵ Там же. Л. 52об, 53.
- ³⁶ Там же. Л.52-об.
- ³⁷ Там же. Л.52об, 53, 54-об., 55об, 56.
- ³⁸ Там же. Л. 53об.
- ³⁹ Там же. Л. . 53об, 54-об, 55об, 56.
- ⁴⁰ Там же. Л. 54об, 55.
- ⁴¹ Там же. Л. 55.
- ⁴² Там же. 55-об.
- ⁴³ Там же. Л. 53об, 55-об, 56.
- ⁴⁴ Там же. Л. 59об, 60об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 60, 61об
- ⁴⁶ Там же. Л. 59об, 60-об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 62об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 62-об, 64, 66-об, 67-об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 62об, 63, 64об.
- ²⁰ Там же. 64об, 65-об. Подробнее о шведской помощи Финляндии см.: *Васара-Воззрина В.-Т.* Шведские добровольцы в гражданской войне в Финляндии // *Вестник СПбГУ. История.* Т. 65. № 1. 2020. С. 245–260.
- ⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 605. Л.64.

⁵² Там же. Л. 66-об.

⁵³ Там же. Л. 66-об.

⁵⁴ Там же. Л. 66об, 67.

⁵⁵ Там же. Л. 67.

⁵⁶ Там же. Л. 68-об, 69об, 70об.

⁵⁷ Там же. Л. 69-об.

⁵⁸ Там же. Л. 69об.

⁵⁹ Там же. 70об.

⁶⁰ Там же Л. 71. По подсчётам финского историка Р. Аримо количество немецких войск в Финляндии к 21 апреля составляло 13003 человека. *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны СПб. 2002. С. 227.

⁶¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1 Д. 599.

⁶² Там же. Л. 52.

⁶³ Там же. Л. 55.

⁶⁴ Там же. Л. 2.

⁶⁵ Там же. Л. 13, 18.

⁶⁶ Там же. Л. 6.

⁶⁷ Там же. Л. 16.

⁶⁸ Там же. Л. 28.

⁶⁹ Там же. Л. 31

⁷⁰ Там же. Л. 67.

⁷¹ Там же Л. 36. Сами записи в сводках оформлены следующим образом: «³Агентурно» «А» 12 июля 1917 года Секретно». Далее ставилось число 12 июля, а под ним шли записи за предыдущие дни: 1, 2, 4, 6, 8, 9, 11 июля. В таком же порядке шли записи за 13, 15, 21 июля и т. д. См.: Там же Л. 1-об.

⁷² Ими были Наштафлот Гельсингфорс, Служба связи Ревель, каперанг (капитан 1-го ранга) Альтфатер, Ставка.

⁷³ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 599. Л. 19.

⁷⁴ Там же. Л. 33, 34.

⁷⁵ Там же. Д. 603.

⁷⁶ Сам же архивный заголовок дела следующий: «Агентурные сведения о действиях противника на Северном театре начато 29 апреля — окончено: июль 1917 на 19 листах».

⁷⁷ Причём синими сначала была написана цифра 8, переправленная на 9 чёрными. Столь подробное описание нумерации необходимо, поскольку из этой прошитой толстой тетради, затем, по моим подсчётам, аккуратно вырезали, 150 листов, оставив корешки (подсчёт производился по ним). Имелась ли на этих листах какая-либо информация или они были пустыми, и предполагалось заполнить их впоследствии, сказать сейчас трудно. Нумерация проставлялась, после удаления листов. Скорее всего, их вырезал кто-то из работников штаба, поскольку почерк на листе 1 и на листах 18 и 19 совпадает.

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 603. Л. 2-об, 3.

⁷⁹ Там же. Л. 3-5об.

⁸⁰ Там же. 5об — 6об.

⁸¹ Там же. Л. 7-об.

⁸² Следует отметить, что есть различие в информации о проходе кораблей в сравнении с предыдущей записью за май.

⁸³ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 603. 7об–8.

⁸⁴ Там же. Л. 8об–9.

⁸⁵ Там же. Л. 10.

⁸⁶ Там же. Л. 10об.

⁸⁷ Там же. Л. 11об, 12.

⁸⁸ Там же. Л. 13.

⁸⁹ Там же. Л. 13об, 14.

⁹⁰ Там же. Л. 14.

⁹¹ Там же. Л. 15-об.

⁹² Там же. Л. 16, 17.

⁹³ Там же. Л. 18-об.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Л. 19.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 605.

⁹⁸ Там же. Д. 599.

⁹⁹ Там же. Д. 603.

¹⁰⁰ О В. А. Сташевском см.: *Алексеев М. А Колпакиди А. И, Кончик В. Я.* Советская военная разведка накануне войны. 1935–1938 гг. М.: 2019. С. 113–115; *Владимиров О. В., Могильников В. А.* «Я — русский, Я — военный, Я — патриот». Деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1-го ранга В. А. Сташевского // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 31–37; *Тотров Ю. Х.* Из истории английской разведки в России «Дело Генмора» // Кортик. 2015. № 15. С. 30–31.

¹⁰¹ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп.1. Д. 655 Л. 1–2. После увольнения со службы в феврале 1918 г. В. А. Сташевский не был причислен к врагам советской власти и сношения с ним продолжались, с ведома Верховной морской коллегии и начальника МГШ Е. А. Беренса. См.: Дело морского генерального штаба. Верховный трибунал // Известия ВЦИК. 1919. 10, 11 апреля.

¹⁰² РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 658. Л. 23.

¹⁰³ *Тотров Ю. Х.* Из истории английской разведки в России «Дело Генмора» С. 20–35; 2019. № 16. С. 72–95.

¹⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 655. Л. 4.

¹⁰⁵ Там же. Л. 16, 18.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3183. Л. 4–14; Ф. р-342. Оп. 1. Д. 650. Л. 4–6.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кончик В. Я. Советская военная разведка накануне войны. 1935–1938 гг. М., Вече. 2019. 413 с.

Владимиров О. Следить за настроениями правящих кругов. Советская военно-морская разведка в 1918 г. // Родина 2011, № 10. С. 15–17.

Владимиров О. В., Могильников В.А «Я — русский, Я — военный, Я — патриот». Деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1-го ранга В. А. Сташевского // Военно-исторический журнал. 2004, № 4. С. 31–37.

Васара-Возгрин В.-Т. Шведские добровольцы в гражданской войне в Финляндии // Вестник СПбГУ. История. Т. 65. № 1. 2020. С. 245–260.

Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М: Квадрига, Русская панорама, 2011. 488 с.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2002. 300 с.

Партала М. А. Деятельность русского командования по организации разведки на Балтийском морском театре в июле 1914 г. с привлечением судов частных пароходных компаний // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. С. 240–249.

Партала М. А. «Осведомительное бюро» контр-адмирала А. И. Непенина: к истории Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи Балтийского моря /1915–1917/ // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2015, № 16. С. 109–120.

Партала М. А. Радиоразведка балтийского флота в Первую мировую войну (к истории создания) // 2005 г. С. 194–203.

Партала М. А. Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1914–1917): новые материалы к биографиям офицеров // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19/1/. С. 134–152.

Партала М. А. Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1914–1917): современная историография и перспективы исследования // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017, № 18/1–2/. С. 90–102.

Тотров Ю. Х. Из истории английской разведки в России «Дело Генмора» // Кортик 2015. № 15. С. 20–35; 2019, № 16, С. 72–95.

Федотов-Уайт Д. Революция // Посев. 2020. № 4. С. 26–31.